НАУЧНЫЙ ПЛАЦДАРМ

(О трехтомном издании избранных трудов проф. В.В. Лазарева)

Краткая аннотация: рецензия подчеркивает значение для науки собраний сочинений ведущих отечественных правоведов и выделяет ряд актуальных направлений исследований права, которые дарит собрание избранных трудов проф. В.В. Лазарева.

Annotation: the review emphasizes the scientific importance of the collected edition of the leading domestic legal experts and draws attention to a number of the essential directions for the research of the law which are discovered in the collected edition of Professor V.V. Lazarev.

Ключевые слова: юридическая наука, правоприменение, пробелы в законе.

Key words: juridical science, law enforcement, legitimacy gaps.

В юридических монографиях нашего времени встречается скептическое отношение к предшественникам в науке. Например: “XX век не был богат научными открытиями, особенно в гуманитарной сфере. Скорее это век переинтерпретации известного”¹.

Можно вслед за изобретением колеса сотворить телегу, затем впрячь в нее лошадь, потом придумать мотор, привод от него к колесам, получить смешной по нынешним дням автомобиль, доведенный за век до комфортабельного на все случаи жизни средства передвижения и удовольствия. А можно презрительно весь этот путь назвать “переинтерпретацией известного” и изобретать замену колеса, только сие считая подлинной новизной в науке. Если бы естественные науки основывались на подобных постулатах, то космические корабли все еще были бы только мечтой. Но последователи Циолковского не спорили о том, что можно покорить: космос, Вселенную или какую-то другую сферу. Они шаг за шагом решали “презренные” практические задачи, опираясь на опыт предшественников.

Так и в юридической науке непродуктивно пытаться впихнуть свои творения в научный фундамент, а следует возводить на нем новые этажи.

К счастью, в нашей юридической науке преобладает иной подход к ее развитию. Формы его различны. Среди них можно назвать условно “путеводители по юридической науке” – краткие систематизированные справочники об отечественных правоведах, их основных работах и решенных ими научных задачах². Все большее развитие получают чтения, посвященные памяти заслуженных современных ученых. На таких персонально тематических конференциях в разных регионах России учениками с привлечением широкого круга ученых развиваются идеи учителей.

Наконец, стали появляться избранные произведения видных современных правоведов, которые представляют богатый материал для выбора дальнейших путей юридической науки. Остановимся подробнее на одном из таких изданий, состоявшемся благодаря Федеральной палате адвокатов: Лазарев В.В. Избр. труды. В 3-х т. М., 2010.

Потребность высказаться по поводу этого собрания сочинений вызвана несколькими причинами.

Во-первых, практическая ценность работ Валерия Васильевича. В своей постоянной юридической практике, натываясь на проблемы, осмысливая и отыскивая их решения, не раз вспоминал, что где-то уже читал нужное. Ругая себя за неполноту своих старых конспектов работ В.В. Лазарева, находил в затертых библиотечных экземплярах искомые мысли, отрывочно вошедшие в подсознание. И становилось досадно за потерянное время из-за худой памяти и отсутствия под рукой его книг и статей.

Во-вторых, восхищение предвидением, возникающее всегда, когда видишь сбывшийся прогноз. Больших ученых отличает именно точный прогноз будущих фактов вследствие изучаемых явлений. В трудах В.В. Лазарева вроде бы другого – советского времени много выводов, подходящих именно к сегодняшнему дню. Потому-то он не стыдился своих работ прошлых лет и намеренно отказался от их редактирования под сегодняшний день. Отсюда необходимость внимательно читать то, что написано В.В. Лазаревым в работах последних лет и что пишется сейчас. Проверено временем, пригодится.

В-третьих, ясный язык изложения, которому не стыдно подражать в науке и на фоне которого те, кто хочет “свою ученость показать, потому всегда говорят по-непонятному”, должны устыдиться своих частых экзотических терминов и словесных лабиринтов, прячущих отсутствие мыслей.

Наконец, побудительной причиной является желание потребителя научной информации отметить нужную ему задачу искомого, а именно: тематическую структуру издания, служащую образцом для собраний сочинений авторитетных правоведов, должных быть основой и ориентирами развития науки. Изначально в авторском предисловии названы направления, в которых сформировано написанное: книга 1 – закон, законность, правоприменение; книга 2 – пробелы в законе; книга 3 – из истории политической мысли.

Несложно заметить, что в разных книгах и статьях, собранных в издание, повторяются одни и те же тексты. Следует ли при издании сборников пытаться избегать дублирования содержания работ? Вряд ли. Не доводилось, например, встречать сборники партий видных шахматистов, в которые не включались бы партии по той причине, что они сыграны одним дебютным вариантом. Ученому (а собрания сочинений его предшественников нужны прежде всего ему) нужны не только окончательные выводы, но и мыслительный процесс

¹ Воздержусь от точной ссылки, поскольку цель статьи – не в критике конкретного автора, а в показе потенциала, противоположного цитированному подходу к юридической науке.

² В качестве примера следует назвать энциклопедический словарь “Видные ученые – юристы России (Вторая половина XX века)” / Под ред. В.М. Сырых. М., 2006.

на пути к ним, чтобы будить собственные ассоциации. Ему интересно, как один исходный тезис развивается в разных направлениях, приводит к разным, выражаясь шахматным же языком, эндшпилям (окончаниям партий).

Назову то, что я увидел в перечитанных или в прочитанных впервые работах В.В. Лазарева как актуальные идеи юридической науки, требующие своего развития путем осмысления современной юридической практики.

1. Наша наука в последние годы активно исследует фактическое российское судебное правотворчество. Исходные для этого актуального направления юридической науки положения содержатся в статье о нетипичных ситуациях правоприменительной деятельности: правоприменение при одновременном осуществлении конкретизации правовых норм, применение права при значительном допущении усмотрения правоприменителя и др. Сегодня “надо исходить из факта создания в процессе конкретизации права новых, не содержащихся в действующем законодательстве положений” (Т. 1. С. 39). При этом в целях законности нельзя допускать вуалирования правотворческой и правоконкретизирующей деятельности посредством актов толкования права (с. 52).

Чтобы судебное правотворчество не превратилось в произвол, “основательно должны быть решены вопросы допустимости (пределы) конкретизации права и толкования права” (с. 647). “Для наиболее полного обеспечения законности необходимо, чтобы законодатель, наделяя суд правом на конкретизацию, указывал и критерии конкретизации” (Т. 2. С. 54, 55). На этом пути современная юридическая практика должна быть подвергнута серьезному анализу с позиций теории права о соотношении актов применения права и актов конкретизации права, и, наоборот, должны быть уточнены общетеоретические представления о конкретизации права, систематизированные в работах В.В. Лазарева об эффективности правоприменительных актов и о пробелах в праве (Т. 1. С. 55–59, 84–87; Т. 2. С. 52–58, 144–148, 422–429, 483–495).

2. Для юристов-практиков подспорьем в критике правоприменительных актов по конкретным делам имеют значение ясно сформулированные критерии эффективности правоприменительных актов (Т. 1. С. 96, 106, 127–133). Научная задача – на основе преломления этих положений к современной юридической практике предложить законодателю основания для пересмотра правоприменительных актов, соответствующих признакам неэффективных; средства воздействия на условия эффективности правоприменения.

3. Вечной для каждого поколения правоведов темой является определение сферы правового регулирования, при определении границ которой “недостаточно ориентироваться только на законодателя” (с. 237). “По своему существу проблема пределов сферы правового регулирования не может иметь раз и навсегда найденного решения. Развитие общественной жизни постоянно вносит коррективы в вопрос о фактической принадлежности соответствующих явлений к правовой сфере” (Т. 2. С. 168).

“Проблема пределов регулирования поведения людей с помощью законов и иных нормативно-правовых актов есть одновременно вопрос вмешательства государства, его органов в общественную жизнь” (Т. 1. С. 457). В работах по этому вопросу даны исходные позиции для исследования насущных проблем (с. 430, 467, 468; Т. 2. С. 127–140, 167–177, 382–393, 467–471).

В связи с работами по этой теме и исследованием эффективности правоприменительных актов возникают мысли о

взаимосвязи объема вводимых законодателем обязанностей и запретов с материально-организационными ресурсами по обеспечению их реализации, которые обстоятельно не рассматривают при принятии законов. Тем самым законодатель демонстрирует свою политическую озабоченность общественной проблемой и некомпетентность в ее решении тем, что цели закона не имеют реальных средств их достижения в правоприменении. Для другого строя, но как будто для сегодняшнего дня написано об актах, которые принимались “лишь в качестве демонстрации активности, для расцветивания фасада и без расчета на то, что данные акты будут выполнены” (Т. 1. С. 479).

4. “Правоприменители остаются людьми, какие бы должностные роли им ни приходилось исполнять и чем бы эти роли ни обуславливались”. Поэтому “в многофакторном воздействии на правоприменяющего субъекта важно различить то, что оказывает влияние вместе и в унисон с правом, а что помимо и даже вопреки праву” (с. 250), и найти юридические средства воздействия на мотивы правоприменителей через анализ всех современных условий их деятельности с помощью книги “Социально-психологические аспекты применения права” (с. 244–422) и работ, раскрывающих особенности реализации правовых предписаний (Т. 2. С. 178–190).

5. Направленные на первый взгляд (“через юридические очки”) на укрепление добросовестности правосудия перестройки судебных инстанций для обеспечения “правовой определенности” вполне могут довести оную до забвения законности, потому что не учитывают социально-психологических аспектов. Что реально заставляет судей второй и последующих инстанций выкладываться на работе в ожидании мечтательного пожизненного содержания? Что судье лучше за ту же зарплату: пересмотреть дело или переписать решение суда первой инстанции со словами “доводы жалобы направлены на переоценку обстоятельств”? Апелляционные коллегии сформированы из судей кассационных инстанций. Туда судьи из районных судов стремились для более напряженного труда? Стороны с 2012 г. лишены права изложить свои доводы по частным жалобам, которые рассматриваются и пресекают надежды на правосудие в их отсутствие. Идея “правовой определенности” – сделать кассационную инстанцию практически последней, т.е. правосудие заканчивается в субъекте Федерации (в судах общей юрисдикции) и в округе (в арбитражных судах). Больше шансов выиграть в лотерею, чем добиться ответа по существу надзорных жалоб из высших судебных инстанций, в том числе на вопрос, почему по этому делу решения в корне отличаются от опубликованных решений высших судов по аналогичным делам.

Путеводитель по судебной практике СПС “Консультант-Плюс” дает несчетное число норм материального права, по-разному применяемых федеральными арбитражными судами, и в меньшей степени показывает разноречивой судебной практики судов общей юрисдикции только потому, что она не доступна так, как арбитражная практика.

Основная масса решений Конституционного Суда РФ – это отказные определения с формулировкой: “заявитель связывает нарушение своих конституционных прав не с содержанием оспариваемых положений закона, а с правоприменительными решениями, состоявшимися в его деле. Однако проверка действий и решений правоприменительных органов к компетенции Конституционного Суда не относится”. А Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ не реализуют свою компетенцию. И что делать?

Как тут не вспоминать и не решать нашу вечную, несмотря на смену флагов, проблему: законность “калужскую” и “казанскую”? (Т. 1. С. 494–604).

6. Одна из важнейших задач в обеспечении законности – легальное закрепление разрешительного метода правового регулирования деятельности государственных органов и должностных лиц. “Всякий выход за пределы компетенции, “самодетельное” ограничение прав и свобод граждан и т.п. являются правонарушением и, следовательно, не имеют законной силы или наказываются в установленном порядке” (с. 431).

Отсюда научная задача: определить, как всякий выход за пределы компетенции, а не только причиняющий существенный вред, по мнению начальника правонарушителя или председателя суда, должен влечь персональную юридическую ответственность правонарушителя – должностного лица. Она должна быть решена на основе соответствующих представлений о законности (с. 474, 475, 494–604, 624–635; Т. 2. С. 401–409).

7. От правонарушения правоприменителя следует отличать ошибки. Из собственно юридических причин таковых следует назвать неопределенность правовых норм, которая является основанием к рассмотрению дела Конституционным Судом РФ (ст. 36 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” от 21 июля 1994 г.). Однако по его решениям сложно определить критерии, по которым он в одном случае усматривает неопределенность содержания правовой нормы, а в другом – допустимые оценочные понятия, позволяющие правоприменителю эффективно обеспечивать баланс интересов. Тем не менее такие критерии нужно найти, используя исследования В.В. Лазаревым прежде всего пробелов в праве. Работы по этой проблеме составляют основную часть второго тома.

“Неполнота закона может проявляться в каком-либо отдельном элементе правовой нормы” (Т. 2. С. 31); “отсутствие хотя бы одного из компонентов нормы равнозначно отсутствию нормы вообще” (с. 160). Отсутствие санкций, прежде всего за неисполнение обязанностей и несоблюдение запретов государственными органами и должностными лицами, не позволяет говорить о юридической определенности таких обязанностей и запретов. “Неопределенность санкции фактически означает ее отсутствие и, следовательно, неполноту

регулирования в части определения правовых последствий” (с. 233).

8. Книги и статьи, собранные в третьем томе, помимо удовлетворения интереса к мыслям Конфуция, Монтескьё, Чаадаева, Дюги, Плеханова, Ильина и других оригинальных умов человечества полезны для работы по освоению методологии науки. Целостное восприятие работ собрания учит свободе мысли от зашоренности и угодливости перед властями и научной модой.

Чтобы овладеть мастерством, нужно видеть, как работает Мастер. Для ученого, в отличие от неопита, важно исследование трудов предшественников. Третий том исподволь показывает необходимый правоведам уровень научной эрудиции, “методологическое требование отыскивать... исторически позитивные моменты даже в консервативных учениях” (Т. 3. С. 44). Чтение его помогает понять, как вышеизложенные практически ценные идеи рождались из наследия политико-правовой мысли. Здесь же – связанные с жизнью ясными и сочными словами ответы на вечнозеленые вопросы о понятии государства и права, злободневная публицистика о глубинных причинах наших вечных бед. Книга о Чаадаеве (с. 61–162) сегодня перечитана с большим интересом, чем четверть века назад.

Образцом путеводителя по юридической науке своей научной родины (научного и нравственного долга ученого) является статья “Понимание права в трудах ученых Казанского университета”, которую сложно найти кроме как в этом издании (с. 163–173).

Это, конечно, далеко не все, что могут найти как начинающий, так и опытный ученые в удобном для своей работы трехтомном собрании сочинений В.В. Лазарева. Естественно, внимание обращено на то, что связано с личными научными интересами и планами автора этих строк. Главное, что хотелось сказать: *наука требует преемственности и накопления знаний. А это зиждется на бережном собрании и развитии творчества наших Учителей.*

С.Б. Поляков, доцент кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского ун-та, доктор юрид. наук (E-mail: psb59@ Rambler.ru)